

Литературная жизнь сюжета

УДК 821.161.1 + 82-1

DOI 10.25205/2410-7883-2019-2-5-13

М. Ф. Климентьева

*Гуманитарный лицей города Томска
Томск, Россия*

Явление интериоризации в сюжетах фантастических повестей Ф. В. Булгарина 1820–1840-х годов

Статья посвящена исследованию явления интериоризации в фантастических (утопических и антиутопических) повестях Фаддея Булгарина, написанных и опубликованных после 1825 и до 1846 г. в повременных изданиях, журналах «Северный архив», «Литературные листки», «Сын отечества». Исследованный материал позволяет предположить, что начавшийся в русской журнальной прозе процесс формирования массовой литературы был связан именно с явлением интериоризации сюжетов, что привело к созданию адаптивного габитуса, закрепившегося в культурном и социальном дискурсе приблизительно в 1830–1840-х гг.

Ключевые слова: Булгарин, утопия, интериоризация, габитус, массовая литература.

Не то беда, Авдей Флюгарин,
Что родом ты не русский барин,
Что на Парнасе ты цыган,
Что в свете ты Видок Фиглярин:
Беда, что скучен твой роман...

*А. С. Пушкин
1830*

Сомнительная литературная репутация Фаддея Булгарина в последние годы подвергается некоторому исследовательскому пересмотру; его называют и «автором первого русского бестселлера», и первым «медиаменеджером» в русской литературе и журналистике, первооткрывателем и создателем новых жанров: бытописательного и исторического очерка, военного рассказа, утопии, антиутопии, фельетона, и основоположником русской фантастической прозы. Несомненный факт публикации разножанровых произведений Булгарина в журналах, начиная с 1823 г. и заканчивая его воспоминаниями 1849 г., двукратное прижизненное издание его сочинений сначала в типографии А. Ф. Смирдина (Сочинения Фаддея

Климентьева Маргарита Фёдоровна – кандидат филологических наук, учитель, Гуманитарный лицей города Томска (пр. Ленина, 53, Томск, 634034, Россия, info@tgl.tom.ru)

ISSN 2410-7883. Сюжетология и сюжетография. 2019. № 2. С. 5–13.

© М. Ф. Климентьева, 2019

Булгарина. Изд. 2-е. Ч. 1–12. СПб.: Тип. А. Смирдина, 1830), затем в типографии Н. И. Греча (Полное собрание сочинений Фаддея Булгарина. Т. 1–7. СПб.: Тип. Н. Греча, 1839–1844) работают на культурный болгаринский миф, удачно и в духе времени дополняются деталями нетривиальной судьбы и чертами его своеобразной личности. На создание и длительное функционирование такого культурного мифа решительное влияние оказало пушкинское отношение к «Видоку Фиглярину». Но и без пересмотра культурного мифа или реабилитации Булгарина-писателя есть основания задуматься о причинах его широкой популярности, выразившейся, например, в двукратном издании собрания его сочинений, в колоссальных для того времени тиражах и многочисленных переводах на европейские языки авантюрного романа «Иван Выжигин», вообще о причинах читательской популярности и востребованности разных произведений писателя весьма среднего художественного дарования, безусловного графомана, архаичного по поэтике и художественному стилю, нарративу, по сюжетным ходам, многократно отработанным в западной и русской прозе. Популярность Булгарина-писателя, его журналистская известность и редакторская деятельность удерживали читательское внимание в течение более чем трех десятилетий. Даже резкий слом политических ориентаций и симпатий Булгарина после декабря 1825 г., как представляется, не затронул его художественной парадигмы, тем более никак не изменил отношения к нему массового читателя.

По мнению А. И. Рейтблата, журнальные публикации Булгарина со всей их жанровой пестротой и содержательным разнообразием представляют собой «своего рода дневник, фиксирующий сведения о поездках, посещении спектаклей, юбилеев, празднеств, чтении книг и т. п., причем, дневник, построенный в диалогической форме. Читатель оказывался в позиции друга-собеседника, который хорошо знаком с обстоятельствами жизни Булгарина» [Рейтблат, 2011, с. 4]. Исследование текстов Булгарина, имеющих полемический характер журнального выступления или разножанровых художественных произведений, показывает вполне осознанную ориентацию на читателя, сознательное втягивание читателя в литературную и окололитературную жизнь художественного слова. С одной стороны, это может быть своеобразными отзвуками просветительской тенденции воздействия словом на воспитание собственно читателя, на формирование его этики и эстетики, с другой – отражает явление интериоризации, т. е. преобразования структуры предметной деятельности (структуры текста) в структуру внутреннего плана сознания. Как представляется, явление интериоризации имеет непосредственное отношение к формированию массовой литературы; складывающийся в журнальной прозе второй половины 1820-х – начале 1840-х гг. адаптивный габитус определил энергию сознания и характер мышления широкого читателя.

Поскольку именно за счет литературы так называемого «второго и третьего ряда» происходит расширение границ материала историко-литературного процесса, выявляются средние литературные нормы эпохи, «резервные средства для новаторских решений будущих эпох» [Лотман, 1993, с. 381], как считал Ю. Н. Тынянов [1921], то таким определенным резервным средством может быть явление интериоризации в повествовательной прозе Булгарина, наиболее очевидное в его фантастических повестях.

Материалом для анализа в данном случае могут быть фантастические повести, как опубликованные в журналах, так и вышедшие отдельными изданиями и вошедшие в оба собрания сочинений Булгарина, – «Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в ХХІХ веке» (1824), «Невероятные небылицы, или Путешествие к средоточию Земли» (1825), «Сцена из частной жизни в 2028 году» (1828), «Путешествие к антиподам на Целебный остров» (1842). Своеобразный фантастический сиквел фонвизинского «Недоросля» с элементами сатиры на нра-

вы «Похождения Митрофанушки в Луне» (1837) и еще более необычное произведение «Отрывок из статистических и этнографических записок, ведённых глухонемо-слепым путешественником во время пребывания его в безымянном городе, лежащем в неоткрытой поныне стране» (1836) дополняются двумя фантастическими текстами 1843 г.: «Письмо жителя кометы Белы к жителям Земли» и «Письмо жителя кометы Белы к тому же самому жителю Земли»; с 1832 г., после того как комета Бела (Биела) действительно приблизилась к Земле и вызвала слухи о скором светопреставлении, прошло немало времени (за десять лет до Булгарина на это астрономическое событие отозвались, например, И. Гурьянов «Комета 1832 года. Отрывок из неизданного романа, основанный на астрономических наблюдениях» и М. Погодин «Галлеева комета»), однако Булгарин воспользовался давними страхами людей и отметил в теме двумя письмами «оттуда» и «туда» для очередного преобразования нарративной структуры своего текста в скрытые структуры читательского сознания, уже сформированные представления об устройстве и характере жизни общества в России.

Фантастика обозначенного периода еще не существует как отдельное художественное явление (Б. Ф. Егоров в своем историческом путеводителе полагает все подобные произведения русскими утопиями; см.: [Егоров, 2007]), однако общность художественных приемов, сюжетных ходов, образы героев и рассказчика-повествователя в произведениях В. Кюхельбекера, М. Дмитриева-Мамонова, А. Вельмана, О. Сенковского, В. Одоевского, самого Булгарина позволяет обнаружить единую тенденцию к настойчивому формированию в сознании читателя общей структуры представлений о жизни русского общества в идеальном варианте, данном либо прямо, через картины далекого будущего, либо по принципу отталкивания, через сатиру.

В трех фантастических повестях – «Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в ХХХ веке» [Булгарин (с)], «Невероятные небылицы, или Путешествие к средоточию Земли» [Булгарин (а)] и «Похождения Митрофанушки в Луне» [Булгарин (б)] – Булгарин использует один и тот же прием перемещения во времени и пространстве: в «Правдоподобных небылицах» герой тонет в Финском заливе, в «Невероятных небылицах» проваливается под землю где-то в районе Новой Земли, в «Похождениях Митрофанушки» взлетает в небо на воздушном шаре и достигает Луны. Такое перемещение фактически ведет к гибели героя: в воде, под землей, в безвоздушном пространстве, однако здесь явление интериоризации, подразумевающее неизбежную гибель, позволяет выстроить внутри текста картину жизни общества, либо идеального в социальном, культурном, техническом отношении, либо несущего в себе скрытые или явные сатирические намеки и выпады. Интересовавший Булгарина метемпсихоз (см. его сочинение «Метемпсихоза, или Душепревращение», 1842 г.) является, по сути, средством интериоризации: как бы умерший и возродившийся для новой жизни герой получает возможность увидеть в новом времени и ином пространстве то, что в реальной жизни может быть неявным. В «Правдоподобных небылицах» перемещению героя на тысячу лет вперед (его фактической смерти / воскрешению) предшествует спор с приятелем: «...в физических науках мы гораздо выше древних, и если открытия будут продолжаемы беспрестанно в таком же множестве и с таким же рвением, то любопытно знать, что будет с родом человеческим через тысячу лет... Едва я успел кончить последние слова, как вдруг поднялся сильный ветер; одним ударом опрокинуло наш ялик: я упал в море и потерял чувства...» [Булгарин (с)]. Очнувшийся через тысячу лет герой-рассказчик разворачивает перед читателем картины будущего, где сохраняется прежнее социальное устройство общества, т. е. никаких сомнений в единственно верной монархической форме правления Булгарин не испытывает, отсюда упомянутая империя, король, принц,

губернатор, градоначальник, господа и слуги, впрочем, одетые в «парчу и бархат», ибо «богатство есть вещь условная» [Булгарин (с)], тем самым внушая читателю представление о неизменности социального деления общества.

Пожалуй, всего очевиднее явление интериоризации проявляется в той части данной фантастической повести, где Булгарин дает картины интеллектуальной, духовной и культурной жизни людей будущего. Посещение университета («великолепного и огромного здания, окружённого ботаническим садом и зверинцем») открывает перед героем гуманитарный характер научного познания: «Распределение факультетов было то же самое, что и в наше время, только науки имели свои собственные подразделения, которые в наше время показались бы смешными и странными. Например, в юридическом разряде перед науками законоведения и судопроизводства находились три новые разряда, а именно: *добрая совесть, бескорыстие и человеколюбие*. К философии прибавлены были *здравый смысл, познание самого себя и смирение*. В разряде исторических наук я заметил особенное отделение под заглавием: *нравственная польза истории*, а к статистике и географии прибавлено было отделение: *достоверность показаний*. В филологическом разряде первое место занимал отечественный язык. Особенная наука под названием: *применение всех человеческих познаний к общему благу* – составляла отдельный факультет» [Там же] (курсив мой. – М. К.). Применение к различным областям гуманитарной науки ставших обязательными для всех нравственных категорий благодаря явлению интериоризации должно было показать очевидную потребность в данном преломлении науки во времена Булгарина.

Военный опыт самого писателя в наполеоновской армии дает весьма характерный взгляд на войну будущего: только оборонительная, но не наступательная война; описанные воздушные учения показывают новые возможности ведения войны: «По первому сигналу люди взошли на плашкоты, по второму зажгли огонь в паровых машинах, а по третьему музыка заиграла военный марш, развились разноцветные флаги, и аэростаты поднялись на воздух. Сперва они пролетели значительное пространство в одну линию, потом разделились на плутонги и начали делать различные повороты. <...> По данному сигналу из духовой пушки с аэростата главного начальника воздушной эскадры вдруг солдаты бросились опретью на землю с неизмеримой высоты. Я обмер от страха, но вскоре пришёл в себя, увидев распускающиеся в воздухе парашюты, которые, плавно опускаясь в различных направлениях, представили взорам моим другого рода прелестное зрелище. Солдаты, коснувшись земли, выпутались проворно из сеток, свернули парашюты и, привязав их как ранцы к спине, немедленно построились и начали производить пешие маневры» [Там же].

Фантастические аэростаты, парашюты, плашкоты, паровые, ездоровые машины, духовые ружья, гидравлические «чистители», превращающие морскую воду в пресную, суда, легко становящиеся подводными лодками, – все эти новинки инженерной мысли будущего не просто перечисляются, но становятся частью представления читателя о неизбежности технического прогресса для человечества в будущем.

Однако особое внимание булгаринский повествователь уделяет нравственному состоянию общества будущего. Там «матери разговаривали между собой о воспитании детей и о средствах к счастливой супружеской жизни. Старушки приводили различные примеры из светской жизни, в подкрепление полезных истин, а модные девицы говорили о литературе, о своих занятиях и о хозяйстве» [Там же], вместо карточной игры – «принесли газеты, ландкарты, новые эстампы; мужчины и дамы занялись чтением, рассматриванием картинок, разговорами, рассуждениями» [Там же]. В обществе будущего даже табак «вовсе не имеет наркотического (снотворного) свойства, не кружит головы, помогает пищеварению и очищает

мозг от винных паров» [Булгарин (с)]. Таким образом, главный вопрос, так занимавший самого героя и его собеседника перед катастрофой – перемещением через тысячу лет, – «род человеческий беспрестанно стремится к совершенству в нравственном отношении и что наши потомки будут лучше нас» [Там же], получает очевидный ответ; «нравственная цель» путешествия в будущее оказывается достигнута: читатель получает закреплённую структуру представлений о простых общественных контрапунктах.

Явление интериоризации выстраивает, помимо прочего, некоторое представление о капиталистическом способе хозяйствования в будущем как наиболее прогрессивном: «Опускаясь на дно морское, я увидел, что оно было разделено каменными заборами, а в иных местах столбами с надписями, означающими границы владельцев, и усеяно пирамидальными строениями» [Там же]. Именно частный способ производства обеспечивает людям будущего экономическое процветание и высокий уровень нравственности, внушает читателю Булгарин.

Наконец, герой видит в будущем машины «делания» стихов и прозы и обнаруживает в них «действие машины, а не ума» [Там же]; здесь Булгарин позволяет себе откровенный полемический выпад: оказывается, что это изделие «могло бы послужить многим бесталанным головушкам» и было известно в XIX в., но «сохранялось втайне между пишущей братией и переходило как наследственный секрет, от безграмотного к бестолковому и обратно» [Там же]. В том случае, когда Булгарин сбивается на лично его тревожащую тему, явление интериоризации не включается, возникает смысловой и нарративный сбой.

В повести «Невероятные небылицы, или Путешествие к средоточию Земли» явление интериоризации возникает на ином уровне, Булгарина в 1825 г. интересуют вопросы просвещения и образования общества. Эта повесть содержательно и идейно связана с целями общества шубравцев, с которыми с 1819 г. в Вильно были близки Ф. Булгарин и Н. Греч. Это «общество бездельников», по атмосфере, характеру своему и отношениям его членов напоминавшее «Арзамас», распалось в связи с преследованием масонов в 1822 г., однако его дух сказался более всего в данной повести Булгарина и обеспечил интериоризацию ее содержания. Три подземных страны – Игнорация, Скотиния и Светония – это, соответственно, три стадии образования общества, от полного игнорирования просвещения (жители похожи на пауков, боятся света, изъясняются на полутурецком языке с добавлением испанских и итальянских слов – игноранты) и полубразованности (жители Скотинии напоминают орангутангов, но у них уже есть плохие поэты – скотиниоты) до подлинно просвещенного общества Светонии со столицей Утопией. В названиях стран, во внешнем облике их обитателей, их манерах, нравах, нормах общественного поведения очевидны традиции английской сатирической прозы, прежде всего Свифта, отчасти Стерна и Гольдсмита. Шубравцы до 1822 г. публиковали в своей виленской газете «Уличные известия» собственные фантастические утопические тексты, и Булгарин несколько лет спустя после закрытия газеты, кроме сатиры на необразованность и бескультурье, выстраивает идеальную картину жизни просвещенного общества: «Нас приучают с молодости <...> подчинять страсти рассудку, довольствоваться малым, не желать невозможного, трудиться для укрепления тела и безбедного пропитания, следовательно, для приобретения независимости, и наконец, употреблять все наши способности, все силы душевные и телесные на вспоможение нашим ближним. Исполняя все это и повинаясь законам и законным властям, большая часть из нас счастлива, и если случается, что люди беспокойные вздумают нарушать общее благополучие, то им никогда не удастся, ибо в большом числе добрых злые не могут иметь ни влияния, ни силы» [Булгарин (а)]. Слова просвещенного жителя идеальной Светонии, ориентированные на масонские идеи нравственного усовершенствования общества,

запускают явление интериоризации, в таком случае описание привычек, обычаев, общественного поведения, социального устройства, судебной системы направлено на формирование верных представлений и новых структур читательского сознания.

Явление интериоризации придает конкретным действиям метафорический смысл, например, «я потушил огонь и остался во мраке, следуя правилу, что для собственного спокойствия должно сообразоваться с нравами и обычаями жителей той страны, где мы находимся» [Булгарин (а)]; только отсутствие света просвещения заставляет человека применяться к неблагоприятным обстоятельствам; «<...> скотиниоты все вообще слабого зрения и почти не видят далее своего носа» [Там же]. Интериоризация в значительной степени способствует метафоризации текста, через троп внешняя часть нарратива переходит во внутренние смыслы и формирует отдельные структурные элементы сознания читателя. Тем удивительнее вполне ироническое звучание слов просвещенного жителя Светонии: «просвещение довело нас до того, что все побуждения покорены совести и рассудку, и с тех пор мы счастливы» [Там же].

Фантастические «Невероятные небылицы», «Правдоподобные небылицы» используют один и тот же прием опубликованной неким издателем рукописи, при этом автор первой рукописи по имени не известен, но пишет ее первую часть на «новоземлянском языке», автора второй рукописи демонстративно зовут Авдей Фаддеевич, «Похождения Митрофанушки в Луне» автору вообще приснились; так возникает, с одной стороны, на внешнем уровне текста небывальщина, неправда, невявь, но на уровне восприятия произведения прием работает обратным образом: текст становится достоверным, логически объяснимым для читателя.

Этот прием, как и путешествия, либо заявленные в названиях фантастических произведений, либо подразумевающиеся, равно и Небылицы, имя фонвизинского Митрофана апеллировали к разным читательским интересам; Булгарин называл себя «оруженосцем и конюшеным» этой «дамь», т. е. читающей публики (Северная пчела. 1851. 14 апр.). Несмотря на то что герой-повествователь в фантастических повестях прямо к читателю обращается крайне редко, читатель все же опосредованно присутствует в тексте всех повестей как адресат интериоризации; дискурсивная стратегия Булгарина преобразует части текста во внутренний план сознания читателя, перевода читательских представлений на уровень адаптивного габитуса массовой литературы. По мысли П. Бурдьё, «габитус есть бесконечная способность свободно (но под контролем) порождать мысли, восприятия, выражения чувств, действия» [1998], то его адаптивное поле рождается в сознании читателя на основании скрытых за внешней увлекательностью сюжета смыслов. Именно в габитусе массового читателя, как представляется, следует искать причины неуывадаемой популярности Булгарина на протяжении более чем трех десятилетий. Белинского, как известно, потешала устаревшая манера Булгарина «забавлять, поучая», и «осмеивать пороки, наставляя», как соответствующая вкусам «Апраксина двора» [Белинский, 1979, с. 77]. Демократический критик не учитывал принадлежности всех текстов Булгарина массовой литературе, но именно на массового читателя и ориентировался в своих фантастических повестях Булгарин. Такой «читатель не настроен на усложнение структуры своего сознания до уровня определенной информации – он хочет ее получить» [Лотман, 1993, с. 388]. В фантастических повестях есть определенная категория конца текста – всегда положительная: герои живы, вернулись в свое время с мешками золота или с двумя дубовыми бревнами, равными двум увесистым слиткам золота; моделирующая роль конца найденной рукописи актуализирует элементарные бинарные формы сознания массового читателя, выявленные интериоризацией: хорошо / плохо, правильно / неправильно; можно / нельзя – массовая литература дает простое объяснение

сложным явлениям жизни. Из круга «знаменитых друзей», сторонников «аристократической партии в литературе», С. Т. Аксакова, И. Киреевского и других исходили презрительно-брезгливые оценки и такой и литературы, и самого Булгарина: место его «в передней», «король Гостиного двора», «лакейские вкусы» и проч. Однако собственно булгаринский читатель этих мнений не только не разделял, но даже не знал о них: «толковито, умно, от души пишет Фаддей мой Венедиктович»; «мой милый, мой добрый, мой умный, деликатный, смысленный, разнообразный, аккуратный, светский, ловкий, деятельный, солидный, благонамеренный, примерный Фаддей Венедиктович Булгарин» (цит. по: [Головина, 1999, с. 13, 15]).

В повести «Правдоподобные небылицы» герой узнает, что через тысячу лет памяти о литераторе на букву Б. не останется: «Увы! я не мог отыскать его под спудом тысячи лет, и все мои статейки, критики и антикритики, над которыми я часто не досыпал ночей, в приятных надеждах на будущее – исчезли! Сперва я хотел печалиться, но вскоре утешился и, выходя за двери, весело повторил любимое моё выражение: Vanitas vanitatum et omnia vanitas! (Суета сует и всяческая суета)» [Булгарин (а)]. Однако в адаптивном поле массового сознания вполне утвердилось представление о том, какой должна быть литература, какие читательские ожидания она должна оправдывать, какие запросы исполнять.

Список литературы

Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9. / Ред. С. И. Машинский; статья Ю. В. Манна; примеч. А. Л. Осповата, Л. С. Пустильник. М.: Худож. лит., 1979. Т. 4: Статьи, рецензии и заметки: март 1841 – март 1842. 654 с.

Булгарин Ф. В. (а) Невероятные небылицы, или Путешествие к средоточию Земли. URL: <https://avidreaders.ru/read-book/neveroyatnye-nebylicy-ili-puteshestvie-k-sredotochiyu.html?p>

Булгарин Ф. В. (b) Похождение Митрофанушки в Луне. URL: <http://bulgarin.lit-info.ru/bulgarin/proza/pohozhdeniya-mitrofanushki-v-lune.htm>

Булгарин Ф. В. (с) Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в ХХІХ веке. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=129450>

Бурдье П. Структура, габитус, практика / Пер. Н. А. Шматко // Журнал социологии и социальной антропологии. The Journal of Sociology and Social Anthropology. 1998. Т. 1, вып. 2. С. 44–59.

Головина Т. Голос из публики (Читатель-современник о Пушкине и Булгарине) // Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 11–17.

Егоров Б. Ф. Российские утопии. Исторический путеводитель. СПб.: Искусство-СПБ, 2007. 414 с.

Лотман Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллин: Александра, 1993. Т. 3. С. 380–388.

Рейтблат А. И. Этапы и источники построения биографического нарратива (на материале биографий Ф. В. Булгарина) // Девятые чтения памяти Вениамина Иофе. Право на имя: биографика ХХ века, 20–22 апреля 2011. СПб.: НИЦ «Мемориал», 2012. С. 3–14.

Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии). Пг.: Издание ОПОЯЗ, 1921. 48 с. (Серия «Сборники по теории поэтического языка»)

M. F. Klimentyeva

*Humanities Lyceum of the City of Tomsk
Tomsk, Russian Federation*

**Interiorization Phenomenon
within the Plots of the Fantastic Tales by F. V. Bulgarin
(1820–1840s)**

The paper focuses on the analyses of the interiorization phenomena in the fantastic (utopian and dystopian) tales by Faddey Bulgarin that he wrote and published between 1825 and 1846. The tales came out in such periodicals as *Severnnyy archiv*, *Liternyye zapiski*, *Syn otechestva*. The study of the texts allows to assume that Russian mass literature born within magazine prose was characterized by the interiorization of plots. The latter led to the formation of an adaptive habitus entirely assimilated by the Russian cultural and social discourses around the 1830–1840s. The study of the texts by Bulgarin (which in terms of genre can be identified either as journal manifestos or literary works of different genres) indicates his conscious orientation on the reader, the intended involvement of the reader into the literary and would-be-literary life of an artistic word. On the one hand, that could be the echo of the tradition established by the Enlighteners who educated the reader via literary words, thus shaping his or her ethics and esthetics. On the other hand, that could be the reflection of the interiorization phenomenon that is the structural transposition of a text (text structure) into the internal structure of the reader's mind. We suggest that the interiorization phenomenon and the shaping of the mass literature are interconnected; the adaptive habitus born in the magazine prose in the mid-1820s – the early 1840s determined the energy of mind and the peculiarities of thinking of the mass reader. Despite almost no narrator addressing the reader in the fantastic tales, the reader finds him- or herself indirectly present throughout the texts as an addressee of the interiorization. The discursive strategy adopted by Bulgarin consists of the transformation of the reader's mind patterns into the adaptive habitus of mass literature.

Keywords: Bulgarin, utopia, interiorization, habitus, mass literature.

DOI 10.25205/2410-7883-2019-2-5-13

References

- Belinsky V. G. The complete set of works. In 9 vols. Ed. by S. I. Mashinskiy; article by Yu. M. Mann; comments by A. L. Ospovat, L. S. Pustilnik. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1979, vol. 4: Articles, reviews and notes: march 1841 – march 1842, 654 p. (in Russ.)
- Bourdieu P. Structures, habitus, practices. Translation by N.A. Shmatko. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [*The Journal of Sociology and social anthropology*], 1998, vol. 1, iss. 2, p. 44–59. (in Russ.)
- Bulgarin F. V. (a) Neveroyatnye nebylitsy, ili puteshestviye k sredotochiyu Zemli [Improbable Tall-Tales or the Voyage into the Hollow Earth]. URL: <https://avidreaders.ru/read-book/neveroyatnye-nebylicy-ili-puteshestvie-k-sredotochiyu.html?p> (in Russ.)
- Bulgarin F. V. (b) Pohozhdeniya Mitrofanushki v Lune [The Adventures of Mitrofanushka on the Moon]. URL: <http://bulgarin.lit-info.ru/bulgarin/proza/pohozhdeniya-mitrofanushki-v-lune.htm> (in Russ.)
- Bulgarin F. V. (c) Pravdopodobnye nebylitsy, ili Stranstvovaniye po svetu v XXIX veke [Probable Tall-Tales or the Journey around the World in the 29th century]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=129450> (in Russ.)
- Egorov B. F. Rossiyskiye utopii. Istoricheskiy putevoditel [Russian utopias. Historical itinerary]. St. Petersburg, Iskustvo-SPB Publ., 2007, 414 p. (in Russ.)
- Golovina T. Golos iz publiki (Chitatel-Sovremennik o Pushkine i Bulgarine) [Voice from the Public (The Contemporary Reader about Pushkin and Bulgarin)]. *Novoye Literaturnoye Obozreniye* [*New Literary Review*], 1999, no. 40, p. 11–17. (in Russ.)
- Lotman Yu. M. Massovaya literatura kak istoriko-kulturnaya problema [Mass literature as a historical and cultural problem]. In: Lotman Yu. M. Selected articles. Tallinn, Aleksandra, 1993, vol. 3, p. 380–388. (in Russ.)

Климентьева М. Ф. Явление интериоризации в сюжетах повестей Ф. В. Булгарина

Reitblat A. I. Etapy i istochniki postroyeniya biograficheskogo narrativa (na materiale biografii F. V. Bulgarina) [Phases and resources of constructing a biographic narrative (based on the biographies of F.V. Bulgarin)]. In: The ninth readings in memoriam of Veniamin Iofe. Pravo na imya: biografika XX veka [The right for the name: theory of biography of the 20th century], April 20–22, 2011. St. Petersburg, Scientific Research Centre “Memorial”, 2012, p. 3–14. (in Russ.)

Tynyanov Yu. N. Dostoevskiy i Gogol (K teorii parodii) [Dostoevskiy and Gogol (To the theory of parody)]. Petrograd, Izdaniye OPOYaZ, 1921, 48 p. (The series “Sborniki po teorii poeticheskogo yazyka” [“Compilations on the theory of poetic language”]). (in Russ.)

Margarita F. Klimentyeva – Candidate of Philology, Teacher, Humanities Lyceum of the City of Tomsk (53 Lenin Ave., Tomsk, 634034, Russian Federation, info@tgl.tom.ru)